

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-97-119

**Г.Ю. Устьянцев, А.А. Ананьев, Ю.В. Синицына,
О.В. Федорова, И.А. Хомченкова, Р.Р. Насырова**

**ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ИДЕНТИЧНОСТИ МАРИЙСКИХ ЭТНОАКТИВСТОВ.
САМОСОЗНАНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ**

**G.Yu. Ustyantsev, A.A. Ananayev, Ju.V. Sinitsyna,
O.V. Fedorova, I.A. Khomchenkova, R.R. Nasyrova**

**ETHNOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS
OF THE IDENTITY OF MARI ETHNIC ACTIVISTS:
SELF-AWARENESS AND LANGUAGE PRACTICES**

Аннотация. Статья посвящена изучению русско-марийской языковой среды: бытованию русского и марийских языков (лугомарийского и горномарийского), выявлению уровня билингвизма в условиях широкого распространения русского языка, а также выяснению взаимосвязей между языковыми практиками и этнической идентичностью. Статья представляет собой комплексное междисциплинарное этнолого-лингвистическое исследование, что позволяет рассмотреть поставленные проблемы с применением разных методологических подходов. В качестве источниковой базы

Устьянцев Герман Юрьевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ustyantsev Herman Yuryevich, PhD Candidate in History, Assistant, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
ustyan-93@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0655-3127

Ананьев Артём Алексеевич, студент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ananayev Artem Alekseevich, Student, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

An.artem02@mail.ru

ORCID: 0009-0007-6923-3784

Синицына Юлия Вячеславовна, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Sinitsyna Julia Vyacheslavovna, Lecturer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

jv.sinitsyna@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2408-6270

использованы материалы анкетирования, проведенного на базе опросника Техасского университета “Bilingual language profile”, дополненного несколькими блоками вопросов этносоциальной тематики, а также интервью, проведенными с представителями языковой среды. Данные собраны в ходе этнолингвистической экспедиции исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в Республике Марий Эл (Звениговский, Куженерский, Медведевский, Моркинский, Оршанский, Сернурский, Советский районы, город Йошкар-Ола). Большинство из опрошенных в ходе исследования (всего 70 человек) осознают свою принадлежность к этнографической группе луговых марийцев, при этом часть из них владеет и горномарийским языком. Их объединяет вовлеченность в марийскую культуру: они являются (или являлись в прошлом) работниками домов культуры и музеев, библиотекарями, школьными учителями, исследователями марийской культуры, активными участниками землячеств, фольклорных ансамблей, тематических сообществ в социальных сетях. Условно большую часть из них можно определить как этноактивистов. В ходе исследования были использованы качественные (анализ собранных интервью) и количественные (анализ и графическая репрезентация собранных анкетных данных) методы. Проведенное исследование выявило высокую степень заинтересован-

Федорова Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Fedorova Olga Victorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
olga.fedorova@msu.ru

ORCID: 0000-0002-5034-3859

Хомченкова Ирина Андреевна, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка РАН имени В.В. Виноградова

Khomchenkova Irina Andreevna, Lecturer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research Fellow, Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences

irina.khomchenkova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1653-0201

Насырова Регина Руслановна, студент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Nasyrova Regina Ruslanovna, Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

regina.nasyrova55@gmail.com

ORCID: 0009-0008-6280-0667

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-21 «От Поволжья до Кавказа: языковое и культурное многообразие Центра и Юга России».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-21 “From the Volga Region to the Caucasus: Linguistic and Cultural Diversity of the Center and South of Russia”.

ности марийцев в сохранении этнических языков наряду с традиционной культурой и идентичностью. Помимо этого данные анкетирования говорят о сравнительно сбалансированном уровне русско-марийского билингвизма, в особенности среди возрастных групп старше 30 лет. У более молодого поколения наблюдается «сдвиг» билингвизма в сторону русского языка, обусловленный, по всей видимости, русскоязычной образовательной средой, в которой протекает их жизнедеятельность.

Ключевые слова: этническая идентичность, билингвизм, марийцы, языковая среда, луговомарийский язык, горномарийский язык, языковая среда.

Abstract. The article examines the Russian-Mari linguistic environment, focusing on the usage of the Russian and Mari languages (Meadow Mari and Hill Mari), identifying the level of bilingualism in the context of the widespread use of the Russian language and the relationships between language practices and ethnic identity. This comprehensive interdisciplinary ethnological-linguistic study employs various methodological approaches. The research data were collected through a survey conducted using the Texas University “Bilingual Language Profile” questionnaire, supplemented by several blocks of questions on ethno-social topics, as well as interviews with representatives of the linguistic environment. The data were collected during an ethnological expedition by the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University in the Republic of Mari El (Zvenigovsky, Kuzhensky, Medvedevsky, Morkinsky, Orshansky, Sernursky, Sovietsky districts, and the city of Yoshkar-Ola). The majority of the 70 respondents identify themselves as belonging to the ethnographic group of Meadow Mari, with some also speaking Hill Mari. They share a deep involvement in Mari culture, being (or having been) employees of cultural centers and museums, librarians, school teachers, researchers of Mari culture, active participants in local communities, folklore ensembles, and thematic communities on social networks. Most of them can be classified as ethnic activists. The study employed both qualitative (analysis of the collected interviews) and quantitative (analysis and graphical representation of the collected survey data) methods. The research revealed a high degree of interest among the Mari people in preserving their ethnic languages alongside traditional culture and identity. Additionally, the survey data indicate a relatively balanced level of Russian-Mari bilingualism, especially among those over 30 years old. Among the younger generation, there is a noticeable “shift” in bilingualism towards the Russian language, likely due to the Russian-speaking educational environment.

Keywords: ethnic identity, bilingualism, Mari people, Meadow Mari language, Hill Mari language, linguistic environment.

* * *

Цель представленного исследования — выявить особенности функционирования марийских языков в поликультурной среде, представлений членов сообщества о своей этнической и национальной идентичностях, а также характер взаимодействия этих факторов. Материалы для исследования были собраны в Республике Марий Эл

(Звениговский, Куженерский, Медведевский, Моркинский, Оршанский, Сернурский, Советский районы; город Йошкар-Ола) в этнологической экспедиции кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также в ходе дистанционных интервью.

Марийские языки, относящиеся к финно-угорской группе уральской языковой семьи, распространены главным образом на территории Республики Марий Эл. Некоторые исследователи рассматривают марийский как единый язык с несколькими наречиями (диалектами, вариантами)¹, другие же выделяют два языка: лугово-марийский марийский и горномарийский². Согласно ст. 15 Конституции Республики Марий Эл, ее государственными языками являются «марийский (горномарийский, лугово-марийский) и русский языки»³.

В составе марийцев традиционно выделяют три этнографические группы: горных, луговых и восточных марийцев⁴. Луговые и восточные марийцы часто объединяются в одну категорию по признаку общего литературного (лугово-марийского) языка. Согласно Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., в Российской Федерации проживает 423 803 марийцев (другие варианты фиксации этнонима — «мар, мари, марий, меря, черемисы»), из них 101 000 лугово-восточных марийцев (включая варианты «луговые марийцы», «уральские марийцы»), 14 077 горных марийцев (включая вариант «горномарийцы»).

По результатам переписи 2020–2021 гг., в Республике Марий Эл проживает 246 560 марийцев, из них 13 953 горных и 69 000 лугово-восточных. Всего в Российской Федерации луговым марийским языком владеют 258 722 человека, из них 228 678 используют его в повседневной жизни. Значительно меньшая часть населения, 15 352 человека, владеет горномарийским языком. В Республике Марий Эл лугово-марийским языком владеют 149 096 человек, 15 175 — горно-

¹ Языки мира. Уральские языки / Редколл. Ю.С. Елисеев, К.Е. Майтинская, О.И. Романова М., 1993. С. 148–173; *Alhoniemi A. Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg, 1993. P. 13–17.

² Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки / Отв. ред. В.И. Лыткин, К.Е. Майтинская. М., 1966. С. 221–254; *Васикова Л. П.* Научно-практическая конференция по проблемам изучения и преподавания горномарийского языка // *Linguistica Uralica*. 1997. № 3.

³ Конституция Республики Марий Эл от 28.05.2021 № 21–3. — URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_Республики_Марий_Эл (дата обращения 19.09.2023).

⁴ *Понов Н.С.* Этнографические группы и диаспоры // *Марийцы. Историко-этнографические очерки*. Изд. 2-е, доп. / Под ред. А.С. Казимова. Йошкар-Ола, 2013. С. 131.

марийским⁵. Подробнее социолингвистическая ситуация с марийскими языками описана в работах А.Н. Куклина⁶, В.Ю. Михальченко⁷, В.И. Шабыкова и Р.А. Кудрявцевой⁸.

Собранные материалы представляют собой количественные (результаты анкетирования) и качественные (интервью с носителями языка) данные. В опросе приняло участие 70 респондентов в возрасте от 21 до 77 лет (22 мужчины, или 31%, и 48 женщин, или 69% опрошенных), проживающих или проживавших в Республике Марий Эл, Москве и Санкт-Петербурге. Большинство опрошенных родились в указанных районах, а также в Горномарийском районе Республики Марий Эл, в Кировской области, Чувашской Республике, Республике Башкортостан. Принцип выбора респондентов — принадлежность к русско-марийской билингвальной языковой среде. Даже если опрошенные, проживая в настоящем или прошлом в Марий Эл, не считают себя марийцами, они могли изучать марийские языки в школе, иметь марийскоговорящих друзей или родственников, понимать отдельные слова или фразы. Большинство из них осознают свою принадлежность к этнографической группе луговых марийцев, при этом часть из них владеет и горномарийским. Опрошенных объединяет вовлеченность в марийскую культуру: они являются (или являлись в прошлом) работниками домов культуры и музеев, библиотекарями, школьными учителями, исследователями марийской культуры, активными участниками землячеств, фольклорных ансамблей, тематических сообществ в социальных сетях. Условно большую часть из них можно определить как этноактивистов. 80% опрошенных получают или получили высшее образование. Для репрезентативности исследования русско-марийского мультилингвизма мы разделили опрошенных на четыре возрастные группы: 21–30 лет, 31–40 лет, 41–55 лет, старше 56 лет.

Этническое самосознание и факторы идентичности

Этнологический компонент исследования рассматривает язык и языковые практики как маркеры различных коллективных идентичностей. основополагающая междисциплинарная задача исследова-

⁵ Итоги Всероссийской переписи населения–2020. — URL: <https://rosstat.gov.ru/vprn/2020> (дата обращения 19.09.2023).

⁶ Куклин А.Н. Особенности функционирования марийского языка в Урало-Поволжской историко-этнографической области // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 17–23.

⁷ Язык и общество. Энциклопедия / Под ред. В.Ю. Михальченко. М., 2016.

⁸ Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл в начале 2010-х годов: социолингвистический анализ // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3. С. 208–229.

ния — изучить, как использование языка в различных возрастных группах связано с проявлениями групповой идентичности.

Анкета, посвященная определению этнической идентичности, включает в себя четыре раздела. Первый из них, «Общие сведения» (7 вопросов), содержит вопросы про этничность, национальность, конфессию и др. Второй блок «Этнокультурное образование» (4 вопроса) посвящен практикам изучения марийских языков и культуры в образовательных учреждениях. Третий раздел «Культурные практики» (7 вопросов) направлен на выяснение уровня знаний респондента о марийской культуре и истории, фольклоре, источниках знаний о марийской этнографии. Последний блок «Межэтническое взаимодействие» (5 вопросов) посвящен коммуникации респондента с представителями других народов в частной и публичной сферах, восприятию его окружением марийской культуры.

Под этнической идентичностью мы понимаем осознание человеком или группой своей принадлежности к этнической общности, что по сути соответствует термину «этническое самосознание»⁹. В духе конструктивистского направления мы подразумеваем, что этническая идентичность может рассматриваться как социальный конструкт и имеет субъективные измерения, основанные на языке и сознании¹⁰. Теоретики конструктивистского подхода к идентичности уделяли особое внимание влиянию социального окружения на формирование и утверждение идентичности. Норвежский исследователь Ф. Барт полагал, что этнические границы и идентичности сохраняются благодаря включению индивида в систему социальной коммуникации¹¹. Согласно психологу Э. Эриксону, идентичность основана на «тождестве самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими»¹². Социологи П. Бергер и Т. Лукман писали, что «иметь данную идентичность — значит занимать особое место в мире, предписываемое определенными правилами»¹³. Продолжая исследование идентичностей, современный антрополог Т. Эриксен отмечал зависимость

⁹ Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 14.

¹⁰ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 41.

¹¹ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы / Под ред. Ф. Барта. Пер. с англ. И. Пильщикова. М., 2006. С. 46.

¹² Эриксон Э.Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М., 1996. С. 26–27.

¹³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М., 1995. С. 215–216.

этнической идентичности от проблем этнической классификации и политических факторов¹⁴. Мы исходим из контекстуального и релятивистского понимания идентичности, ее зависимости от внешних обстоятельств¹⁵. Самосознание находится в постоянной трансформации и может меняться под влиянием различных факторов: межэтнической коммуникации, социального статуса этнической группы, образования, популяризации этнической культуры и языковых практик. Именно язык в многочисленных этнографических описаниях и антропологических исследованиях является одним из маркеров этнической принадлежности: «...язык, как явление социальное, имеет две основные функции: наряду с практическим коммуникативным предназначением он играет еще и символическую роль. Язык формирует чувство родственности с группой и одновременно значим для дифференциации индивидов и сообществ»¹⁶. Часто в ситуации полилингвизма, когда в обществе активно используется несколько языков, идентичность носителя традиции определяется именно родным («материнским») языком, языком своей этнической группы¹⁷.

В 2021 г. социологи Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ) провели исследование состояния межконфессиональных и межнациональных отношений в городской и сельской местностях Республики Марий Эл. Результаты анкетирования показали значимость для респондентов своей национальной принадлежности (вариант «значима» выбрали 54% опрошенных, «очень значима» — 7%), что говорит об актуальности темы этничности и самосознания для выбранного региона¹⁸.

Нашим анкетлируемым был задан вопрос об этнической группе, к которой они себя относят. Согласно результатам, 13 человек (19%) считают себя мари (эндоэтноним), 6 человек (9%) применили русскоязычное понятие «марийцы», которое встречается в офици-

¹⁴ Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism Anthropological Perspectives*. London, 1994.

¹⁵ Соколовский С.В. Метафизика идентичности и исследования процессов идентификации в социальных науках // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 11–16.

¹⁶ Мартынова М.Ю. Введение. Языковое многообразие России в аспекте федеральной политики и региональных инициатив // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / Под ред. М.Ю. Мартынова. М., 2021. С. 8.

¹⁷ Trudgill P. *Sociolinguistics: an introduction to language and society*. London; New York, 2000. P. 45.

¹⁸ Зеленеева Г.С., Орлова О.В., Шабыхов В.И. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2021 года): науч.-статистич. бюллетень. Йошкар-Ола, 2022. С. 10.

альной документации и этнических исследованиях. Примечательно, что значительная часть опрошенных (16 человек, или 23%) считают своей этнической группой «финно-угров», т.е. определяют этничность через этноязыковую общность, принадлежность к носителям финно-угорской группы языков. Практически такой же процент (24%, или 17 человек) набрал ответ «луговые марийцы». 7% опрошенных (5 респондентов) воспринимают себя горными марийцами (интервью были записаны на «луговой» стороне, эта группа респондентов уже покинула горномарийскую языковую среду). Один респондент отметил, что является восточным марийцем (1%), один из опрошенных относит себя к северо-западной группе (1%), еще один причислил себя к славянам (1%). Выходит, что более четверти информантов (34%, или 24 опрошенных) понимают под этнической группой этнографическую общность (луговые, горные и другие марийцы, а не марийцы вообще). 13% (10 респондентов) при проживании в мультилингвальной среде считают себя русскими. 3% опрошенных (2 информанта) не смогли определить свою этническую идентичность.

Исследуя проявления этнической идентичности, мы стремились понять, различают ли для себя респонденты этническую группу и национальность. 64% процента (45 опрошенных) определили свою национальность как «мари», 7% (5 опрошенных) как «марийцы» и 7% (5 человек) как «луговые марийцы»; процент респондентов, считающих себя русскими, — 16% (11 человек). Три человека назвали себя горными марийцами (4%), один — восточным (1%). В 26% ответов (18 ответов) этническая группа и национальность были определены одинаково. Данные анкетирования подтверждают тезис об этническом характере национальной идентичности, который в отечественном научном дискурсе и массовой культуре превагирует над ее гражданским пониманием¹⁹. Примечательно, что на вопрос «Кем Вы себя ощущаете в большей степени?», заданный в анкетах 2021 г., большая часть респондентов ответила «гражданином Российской Федерации» (32,4%)²⁰. В нашем анкетировании гражданская идентичность не была указана в качестве синонима этнической или национальной.

Для исследования было ценно узнать, что для опрошенных означает принадлежность к этнической группе марийцев. 24% (17 респондентов) понимают под идентичностью самосознание (вариант

¹⁹ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 148–153.

²⁰ Зеленева Г.С., Орлова О.В., Шабыков В.И. Указ. соч. С. 10.

«считать себя марийцем»); 16% процентов (11 человек) полагают, что быть марийцем — значит хорошо знать марийскую культуру и историю, 13% (9 опрошенных) — происходить из марийской семьи. 9% (6 человек) считают, что определяющим фактором в марийской идентичности является хорошее владение марийским языком или языками; 3% (2 респондента) — быть уроженцем марийского населенного пункта. 35% (26 человек) выбрали все предложенные варианты или не смогли выбрать один вариант. В 84% (59 ответов) случаев этническая идентичность родителей респондента совпадает с этнической группой или национальностью, указанной анкетирваемым. Наши данные расходятся с опросом предыдущих лет: в 2021 г. на вопрос, что сближает анкетирваемых с людьми своей национальности, 80% респондентов указало вариант «язык»²¹. Разница в полученных данных может быть объяснима структурой опросника, количеством опрошенных, предложенными вариантами ответов и формулировками самих вопросов.

Информантам были заданы вопросы об их интересе к марийской культуре и вовлеченности в нее. При оценивании своего интереса к марийской культуре и истории по шестибалльной шкале был получен средний балл по возрастам: 21–30 лет — 4,7 баллов, 31–40 — 5,5 баллов; 41–55 — 5,7 баллов, старше 56 лет — 5,7 баллов²². Свои знания по марийской культуре и истории респонденты разных возрастных групп оценили следующим образом: 21–30 лет — 3,7 баллов, 31–40 — 4,5 баллов, 41–55 — 4,4 баллов, старше 56 — 4,6 баллов²³.

Можно отметить две тенденции среди опрошенных этноактивистов: с увеличением возраста интерес к марийской культуре и истории возрастает, знания о ней существенно ниже в возрастном диапазоне от 21 до 30 лет по сравнению с более старшими респондентами. Вторая особенность: все анкетирваемые оценили свои знания по марийской культуре и истории ниже, чем интерес к этим темам. На вопрос о степени вовлеченности в традиционную праздничную культуру (по шестибалльной шкале) мы получили следующие результаты: 21–30 лет — средний балл 3,4; 31–40 — 4 балла; 41–55 — 4,3 балла; старше 56 лет — средний балл 4,6²⁴. С возрастом частота посещения традиционных праздников²⁵ возрастает, многие из опрошенных старшего возраста являются их организаторами.

²¹ Там же.

²² См. Приложение 1.

²³ См. Приложение 2.

²⁴ См. Приложение 3.

²⁵ Под традиционными праздниками мы понимаем праздничные мероприятия, имеющие отношение к этнической культуре: Агавайрем, Шорыкйол и др.

Анкетированным был задан вопрос «Оцените свое знание марийского фольклора (песни, легенды, сказки и др.) по шестибалльной шкале». Результаты по возрастным группам коррелируют с участием опрошенных в традиционных праздниках: 21–30 лет — средний балл 3,5; 31–40 — 3,8 баллов; 41–55 — 4 балла; старше 56 лет — 4,3 балла²⁶. Опрошенным также предложили порефлексировать о важности сохранения марийской идентичности, языка и культуры детьми и оценить этот показатель по шестибалльной системе. Средний балл среди опрошенных в возрасте от 21 до 30 лет — 4,7, 31–40 лет — 5,4; 41–55 — 5,6 баллов. Старшее поколение оценило важность этого фактора в среднем на 5,7 баллов²⁷.

В опросе 2021 г. абсолютное большинство респондентов (94, 1% мужчин и 91,6% женщин) сочли необходимым знание детьми родного языка²⁸, что соответствует полученным нами выводам.

Результаты анкетирования показывают большую степень интереса к этнической сфере культуры и вовлеченности в нее с увеличением возраста опрошенных. Важно учитывать, что в состав информантов вошли преимущественно люди с высшим образованием и близкие к дискурсу об этнической культуре. Важной частью этнокультурной идентичности являются также языковые практики, подробно рассмотренные в следующем разделе.

Анализ языковой ситуации

Большинство опрошенных принадлежит к билингуам или мультилингуам, т.е. пользуется двумя и более языками в повседневной жизни. Лингвистический компонент исследования нацелен на получение данных о социолингвистическом статусе языка в пределах языкового сообщества, в первую очередь, степени его витальности, а также о динамике изменений языковой ситуации в зависимости от возраста носителей.

Для исследования русско-марийских мультилингуов был использован опросник Bilingual Language Profile, размещенный на сайте проекта²⁹. Он состоит из четырех разделов. Первый раздел («Языковая история») включает 6 вопросов (возраст овладения данным языком; возраст, в котором респондент стал уверенно говорить на языке; количество лет, которые он провел в: а) школе, б) регионе, в) семье и

²⁶ См. Приложение 4.

²⁷ См. Приложение 5.

²⁸ Зеленева Г.С., Орлова О.В., Шабыков В.И. Указ. соч. С. 110.

²⁹ Birdsong D., Gertken L.M., Amengual M. Bilingual Language Profile: An easy-to-use instrument to assess bilingualism. COERLL, University of Texas at Austin, 2012. — URL: <https://sites.la.utexas.edu/bilingual/> (дата обращения 07.09.2023).

г) рабочей среде, где говорят на этом языке). Во втором разделе («Использование языков», 5 вопросов) приводится информация о проценте времени в среднем за неделю, которое респондент использует на данный язык: а) в кругу семьи, б) с друзьями, в) на работе, г) когда разговаривает сам с собой и д) когда производит подсчеты. Третий раздел («Владение языками», 4 вопроса) посвящен самостоятельной оценке языковых навыков (говорение, аудирование, чтение, письмо). В четвертом разделе («Отношение к языкам», 4 вопроса) описывается, как воспринимают свою идентичность, когда говорят на том или ином языке, насколько они ощущают себя частью этой культуры, насколько важно для них использовать марийский язык как родной.

Опросник заполняется респондентами для каждого из языков. В ходе обработки данных для каждого вопроса вычисляются взвешенные оценки³⁰. На основе этих количественных данных можно получить: а) общий балл для языка и б) оценку доминирования языка.

Общий балл для языка определяется с помощью сложения всех оценок (балл оказывается в диапазоне от 0 до 218, где 0 — отсутствие знания языка, а 218 — максимальное знание языка). Для того, чтобы вычислить оценку доминирования для двух языков, необходимо вычислить разницу между их общими баллами. Эта оценка оказывается в диапазоне от -218 до 218, где значение около нуля отражает высокое владение обоими языками и их частое использование (так называемый сбалансированный билингвизм), а крайние значения — максимальное доминирование одного или другого языка.

Результаты исследования представлены на рисунках 6 и 7³¹ в виде скрипичных диаграмм (violin plot)³² для четырех возрастных групп.

Все опрошенные носители показали низкий уровень владения горномарийским языком. Самый низкий уровень, фактически означающий невладение, наблюдается среди самой молодой возрастной группы (21–30 лет), далее идет возрастная группа от 41 до 55 лет;

³⁰ Ibidem.

³¹ См. Приложения 6 и 7.

³² Диаграммы были построены на языке программирования Python с помощью библиотеки seaborn (Waskom 2021). Ширина диаграмм отражает плотность распределения (т.е. насколько вероятно/часто соответствующее значение), верхняя граница диаграммы соответствует максимальному значению коэффициента для данной возрастной группы, нижняя — минимальному, белые точки указывают на медианы, т.е. ниже них на диаграмме расположено 50% всех значений, нижние и верхние стороны внутренних прямоугольников соответствуют первому и третьему квартилю, ниже них — 25% и 75% всех значений, значения коэффициента, попадающие в диаграммы, но выходящие за тонкие линии, являются статистическими выбросами. Так, например, можно сказать, что среди людей возраста 41–55 лет минимальный уровень владения луговым марийским — около 20, максимальный — больше 200, и что почти у половины людей из этой группы уровень ниже 150.

наиболее высокий уровень владения горномарийским отмечается у носителей в возрасте от 31 до 40 и старше 56 лет.

Уровни владения луговым марийским и русским существенно выше уровня владения горномарийским, что ожидаемо, учитывая охваченные в исследовании регионы. Самые молодые носители владеют русским языком в гораздо большей степени по сравнению с луговымарийским. Также можно отметить, что уровень владения русским языком для этой группы самый высокий из всех. Преобладание русского языка над луговымарийским отмечается также для носителей в возрасте от 41 до 55 лет, однако эта группа владеет луговым марийским гораздо лучше по сравнению с самой молодой возрастной группой.

Примерно одинаковый уровень владения русским языком отмечается для групп 31–40 лет и старше 56. При этом носители последней группы показывают самый высокий уровень владения луговымарийским.

На рисунке 7 значение коэффициента выше нуля отражает доминирование луговымарийского языка, ниже нуля — доминирование русского языка. Таким образом, русский язык однозначно доминирует среди молодежи (от 21 до 30 лет), в остальных группах наблюдается ситуация относительно сбалансированного билингвизма. Наиболее равномерное распределение по языкам выявлено в возрастной группе от 31 до 40 лет. Среди самых старших из опрошенных носителей есть небольшой перевес в сторону луговымарийского языка, в то время как у носителей от 41 до 55 лет наблюдается противоположная ситуация — имеется небольшой сдвиг в пользу русского языка.

На существенное доминирование луговымарийского языка среди самых старших носителей указывает уровень минимальных значений на диаграмме. У четвертой группы минимальные значения коэффициента почти на 50 пунктов больше по сравнению с первыми тремя группами, у которых минимальные значения почти на одном уровне.

Полученные данные совпадают с материалами исследования 2021 г.: у опрошенных в возрасте от 40 до 59 лет степень владения марийским языком (имеется в виду один из марийских языков) ниже, чем у людей старше 60. У молодежи в возрасте до 30 лет степень владения марийским ниже, чем у других возрастных групп³³. Более высокий показатель использования луговымарийского языка самыми старшими респондентами можно связать с активным преподава-

³³ Зеленева Г.С., Орлова О.В., Шабыков В.И. Указ. соч. С. 114.

нием предметов начальной школы на марийском до 1960-х гг. Тогда некоторые респонденты в первом классе еще не владели русским и освоили его как второй язык:

«С рождения, наши родители говорили на марийском. А в школу когда пошла, начала учить русский. Когда училась, там по-русски уже, конечно. Иногда по-татарски разговаривали. Ну, сначала-то нет, не сразу, нас учили, были учителя. Сначала мы не понимали русского, но потом научились — учителя были замечательные. Я когда в школе училась, сочинения писала всегда на русском, и всегда на “5”»³⁴.

В зависимости от конкретной ситуации билингвы выбирают использовать русский или марийский язык, что соответствует явлению «переключения языковых кодов»³⁵. В ситуации семейного общения, в сельской местности могут превалировать марийские языки; в публичной сфере, т.е. на работе и учебе, в государственных учреждениях, в русскоязычных населенных пунктах информанты выбирают применять русский:

« — А считаешь — деньги, дни, часы? (Г.Ю. Устьянцев)?

— На русском. Только если в деревне или в сельской области на марийском»³⁶.

Некоторые респонденты пожилого возраста в раннем детстве не знали или не использовали русский язык, а в школе под влиянием педагогов и учебной программы стали билингвами. Начальное образование в марийских школах является «переходной программой», направленной на переход к более статусному языку³⁷. В 1960-х гг., как пишет К.Н. Сануков, произошел перевод всех школ Марийской АССР, как и других финно-угорских регионов, на русскоязычное обучение, что значительно сократило степень владения марийскими языками последующими поколениями марийцев³⁸. Марийскому языку как родному обучали преимущественно в сельских школах. Многие информанты, рожденные в 1970–1980-е гг., не имели возможности изучать марийский в школах, что проявилось в результатах опроса людей в возрасте 41–55 лет.

В 1990-х гг. марийский язык вновь стали активно преподавать в школах Марий Эл. Ученики некоторых сельских школ и школ с национальным компонентом в начале XXI столетия изучали марийский язык в качестве обязательного предмета «Марийский язык как

³⁴ Г.Л., жен., 77 лет. Р. Марий Эл, Звениговский район. 20.09.2023.

³⁵ Hudson R.A. Sociolinguistics. Cambridge University Press, 1996. P. 51–53.

³⁶ П., муж., 33 г. Московская обл., г. Мытищи. 20.09.2023.

³⁷ Skutnabb-Kangas T. The Education of Minorities // Handbook of language & ethnic identity / Ed. J. Fishman. New York, 1999. P. 46.

³⁸ Сануков К. Финно-угорские народы России: проблемы национального идентитета // Финно-угроведение. 2001. № 1. С. 139.

государственный» в объеме двух часов в неделю³⁹. Обучение марийскому языку как родному продолжилось в школах с марийским контингентом учащихся, в основном сельских⁴⁰. С 1990-х гг. существует практика деления классов на «марийские» со значительным компонентом преподавания марийского языка для этнических марийцев и «русские» для детей из русских семей и плохо знающих марийский⁴¹. Одна из респонденток, выросшая в Звениговском районе Марий Эл, рассказывает о своем опыте языкового образования:

«Я училась в сельской средней общеобразовательной школе. С 1 по 11 классы мы обязательно учили марийский язык как родной язык и марийскую литературу. Мне нравилось изучать все языки: и марийский, и русский, и английский. По ним отправляли на олимпиады. Особой сложности не было, так как мне с детства нравятся языки, и сейчас я филолог. Одни учителя-предметники учили нас на русском, другие на марийском. Объяснения на нашем родном были понятны, материал легче усваивался, мне кажется. Стоит отметить, что мой родной марийский отличается от литературной нормы, поэтому значения некоторых слов были непонятны, нам подсказывала преподаватель, еще сами смотрели в словарях. На уроках марийского языка сочинения и тому подобное писали только на литературном марийском языке, а общались на своем диалекте»⁴².

В приведенном нарративе респондентка указывает на одну из самых существенных проблем бытования марийских языков среди школьников: существенные отличия локальных диалектов от литературной традиции, изучаемой в школах.

Слова жительницы Йошкар-Олы о позитивном опыте изучения марийских языков является скорее исключением. По мнению лингвиста М.В. Куцаевой, влияние русскоязычной среды в детском саду, школе, переход односельчан и родственников на русский язык формирует у детей негативные установки по отношению к марийскому⁴³. В целом система обучения детей-билингвов соответствует,

³⁹ Константинова В. Проблема усовершенствования преподавания марийского языка как неродного // Финноугроведение (Йошкар-Ола). 1999. № 2-3. С. 217.

⁴⁰ Кондрашкина Е.А. Марийский язык в сфере образования Республики Марий Эл // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 123.

⁴¹ Куцаева М.В. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022. №1(44). С. 134.

⁴² Н., жен., 31 г. Р. Марий Эл, г. Йошкар-Ола.

⁴³ Куцаева М.В. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021. № 2. С. 12–13.

по Т. Скютнабб-Кангас, «отсутствующей модели» (“nonmodels”), т.е., по сути, интеграции марийских учеников в русскоязычную среду⁴⁴. Повсеместное внедрение марийского языка как школьного предмета в конце XX в. не изменило радикальным образом сложившуюся тенденцию к сокращению сфер его бытования. Отмечается тенденция, которую американский лингвист У. Вайнрайх определил как «языковой сдвиг» (“language shift”), — переход сообщества к использованию нового, часто неродного языка на регулярной основе⁴⁵. Согласно проведенному анкетированию, даже на работе, где многим информантам в силу специфики профессии нужен марийский язык, доминирует русский. В среднем опрошенные говорят на луговомарийском на работе в течение недели 37% времени, на русском — 56%. При этом умение говорить на луговомарийском оценивается опрошенными в среднем в 4,6 по шестибальной шкале.

Указанный опрос 2021 г. дает еще одно объяснение перевесу билингвизма в сторону русского: люди с высшим образованием в меньшей степени владеют марийским языком (29,1%), чем респонденты со средним (до 43,4% в разных звеньях среднего образования)⁴⁶. Большинство опрошенных нами этноактивистов либо имеют высшее образование, либо получают его. Молодое поколение жителей республики редко изучает марийский язык в общеобразовательных учреждениях: в 2020–2021 гг. 20,1% учащихся изучали марийский как государственный интегрировано с историей и культурой, 17,67% — как государственный и 10,1% — как родной⁴⁷. Среди факторов, влияющих на бытование марийских языков, авторы выделяют внутрисемейное общение, поддержание связей с деревенскими родственниками⁴⁸. По нашим данным, почти 40% времени информанты говорят в семье на русском и около 60% — на марийском. Семья остается единственной сферой преваляирования марийского языка над русским. Контакты с городской средой способствуют распро-

⁴⁴ Skutnabb-Kangas T. The Education of Minorities // Handbook of language & ethnic identity / Ed. J. Fishman. New York, 1999. P. 42–43.

⁴⁵ Weinreich U. Languages in contact. Findings and problems. The Hague; Paris; New York, 1979. P. 68.

⁴⁶ Зеленева Г.С., Орлова О.В., Шабыков В.И. Указ. соч. С. 117.

⁴⁷ Орлова О.В. Языковая ситуация и этнокультурные запросы в Республике Марий Эл // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / Под ред. М.Ю. Мартынова. М., 2021. С. 127.

⁴⁸ Куцаева М.В. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022. №1 (44). С. 145.

странению русско-марийского билингвизма в сельской местности и исчезновению марийского языка из бытового общения⁴⁹.

Еще одна важная причина «языкового сдвига» — внутренняя миграция населения и межэтнические браки⁵⁰. Уезжая в крупные города и создавая семьи с представителями других этнических групп, марийцы реже используют марийские языки. Основным языком высшего образования, русский, чаще применяется респондентами в публичной сфере, в то время как область применения марийских языков сокращается. Респонденты, которые родились не в Республике Марий Эл, а в соседних регионах, часто не имели возможность учить язык в школе:

«В принципе, с детства — какие-то выражения знал, а так, чтобы более свободно говорить — это лет 7–8. Ну, “свободно” я бы не сказал, я мог поддержать разговор на марийском, поговорить о чем-то на марийском, в принципе, как и сейчас, не знаю свободно марийский язык. Пытаюсь, конечно, подучить, где-то с кем-то пообщаться, чтобы лучше понимать, но свободно говорить пока не получается. Ну, жизнь в Новочебоксарске дала о себе знать — все-таки, общение с детьми, всё происходило на русском»⁵¹.

Некоторые респонденты прилагают значительные усилия, чтобы популяризировать марийский язык и расширить сферу его функционирования, создают площадки для его преподавания:

«В Кирове я пытался курсы брать марийские. Я ходил к татарам, их язык изучал, они мне говорили... на фестивали приглашали, поддерживали меня. Даже помещения для меня находили, чтобы марийцы собирались. Пару раз собирались марийцы»⁵².

В деревне Аleshкино Килемарского района Республики Марий Эл функционирует летний языковой лагерь для всех желающих изучить луговомарийский язык или повысить навыки владения им. Среди обучающихся — взрослые активисты марийской культуры, участники землячеств из Москвы, Санкт-Петербурга. Наша респондентка Наталья Венина из г. Йошкар-Ола является организатором и преподавателем онлайн-школы марийского языка⁵³.

Однако деятельность по популяризации и распространению марийских языков не приводит к ситуации сбалансированного билингвизма. Согласно социологическому опросу 2020 г., проведенному

⁴⁹ Там же. С. 144.

⁵⁰ *Dorian N.C. Linguistic and Ethnographic Fieldwork // Handbook of language & ethnic identity / Ed. J. Fishman. New York, 1999. P. 25-41. P. 30*

⁵¹ Н., муж., 32 г. Р. Марий Эл, Звениговский р-н. 20.09.2023.

⁵² П., муж., 33 г. Московская обл., г. Мытищи. 20.09.2023.

⁵³ Полевые материалы авторов, 2023 г.

МарНИИЯЛИ, 55% опрошенных считают, что русский язык в большей степени, чем марийский, функционирует в качестве государственного⁵⁴. Согласно нашему опросу, русский язык чаще используется информантами в различных сферах. В среднем луговомарийские информационные ресурсы, которые читают и смотрят опрошенные, составляют 29% от всех потребляемых СМИ, в то время как русскоязычные — 64%, а горномарийские — 3%. Художественная литература на луговомарийском языке составляет 28% от всех художественных литературных текстов, которые читают информанты, русскоязычная — 63%, литература на горномарийском — 3%.

Полученные данные могут быть объяснены несколькими причинами. Во-первых, меньшей репрезентацией марийских языков (особенно горного) в медийном пространстве и публикационной деятельности по сравнению с русским. Во-вторых, незначительный процент читаемых текстов на горномарийском связан с выбором регионов исследования.

Среди опрошенных были респонденты, которые хорошо понимают горномарийский в целом или отдельные слова и фразы. Часто степень владения горномарийским связана с происхождением информанта, наличием у него родственников — горных марийцев:

«На горном нет, я говорю. Вот А. может хорошо говорить по-марийски и понимает, а мы не понимаем горномарийский язык, но некоторые разговорные слова к нам попадают»⁵⁵.

Названный информанткой житель Звениговского района А., тоже наш респондент, может уверенно говорить на луговомарийском и горномарийском, так как его отец — луговой мариец, а мать — горная (сам он определяет себя как «мари»). Для его односельчан, относящихся к группе луговых марийцев, понятны только некоторые слова из горномарийского.

Заключение

Опрошенные культурные активисты, вовлеченные в марийскоговорящую среду, преимущественно считают себя марийцами или представителями конкретной этнографической группы марийцев. По оценке самих информантов, для них свойственны высокий интерес к марийской культуре, истории, обширные знания в этих областях; они осознают важность сохранения марийской культуры будущими поколениями и часто посещают марийские традиционные праздники. Во многом эти результаты связаны со спецификой

⁵⁴ Орлова О.В. Указ. соч. С. 147.

⁵⁵ Г.Л., жен., 77 лет. Р. Марий Эл, Звениговский район. 20.09.2023.

деятельности информантов, которые являются музыкантами, работниками домов культуры, учеными, школьными учителями. При этом с возрастом показатели вовлеченности в марийскую культуру увеличиваются.

В то же время этноактивисты являются русско-марийскими билингвами, т.е. чаще используют русский язык в общении с окружающими, пользуются им в учебной и профессиональной деятельности. Для более молодых опрошенных (21–30 лет) показатели использования русского языка в среднем выше по сравнению со старшими группами, в которых наблюдается ситуация более сбалансированного билингвизма, но также превалирует русский. Сдвиг билингвизма в пользу русского языка объясним русскоязычной образовательной средой, более высокой степенью урбанизации современных марийцев, использованием русского языка как основного языка делопроизводства и СМИ. Молодым респондентам менее близки и интересны этнокультурные практики, что может быть связано с более активным использованием ими русского языка по сравнению с другими возрастными группами. Профессиональная деятельность опрошенных, требующая знания лугомарийского языка, не способствует его активному применению в жизни. Большинство наших респондентов прекрасно владеет лугомарийским, но мало применяет его в публичной жизни. Единственной сферой активного использования лугомарийского языка остается семья. Родной язык в рассматриваемой группе выполняет символическую, этнорепрезентующую функцию, в то время как его коммуникативная роль снижается, что особенно проявляется среди молодых опрошенных.

References

Alexandrenkov E.G. “*Etnicheskoe samosoznanie*” ili “*etnicheskaya identichnost*”? [“Ethnic Self-Awareness” or “Ethnic Identity”?] // *Etnograficheskoe obozrenie*. 1996. N 3. P. 13–22.

Alhoniemi A. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1993. 253 S.

Bart F. *Vvedenie* [Introduction] // *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: social'naya organizaciya kul'turnyh razlichij* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference] / Ed. by F. Bart. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. P. 9–48.

Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium, 1995. 323 p.

Birdsong D., Gertken L.M., Amengual M. *Bilingual Language Profile: An Easy-to-Use Instrument to Assess Bilingualism* / COERLL. Austin: University of Texas, 2012. — URL: <https://sites.la.utexas.edu/bilingual/>

- Dorian N.C. *Linguistic and Ethnographic Fieldwork // Handbook of Language and Ethnic Identity* / Ed. by J. Fishman. New York: Oxford University Press, 1999. P. 25–41.
- Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism Anthropological Perspectives*. London: Pluto Press, 1994. 246 p.
- Erikson E.H. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Progress, 1996. 344 p.
- Hudson R.A. *Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 279 p.
- Kondrashkina E.A. *Mariiskii yazyk v sfere obrazovaniya Respubliki Mariy El* [The Mari Language in the Educational Sphere of the Republic of Mari El] // *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. Tambov: Gramota, 2008. N 2 (9). In 3 parts. Part I. P. 122–125.
- Konstantinova V. *Problema usovershenstvovaniya prepodavaniya mariiskogo yazyka kak nerodnogo* [The Issue of Improving the Teaching of the Mari Language as a Non-Native Language] // *Finno-ugrovedenie*. 1999. N 2–3. P. 216–220.
- Kuklin A.N. *Osobennosti funktsionirovaniya mariiskogo yazyka v Uralo-Povolzhskoi istoriko-etnograficheskoi oblasti* [Peculiarities of the Functioning of the Mari Language in the Ural-Volga Historical and Ethnographic Region] // *Finno-ugorskii mir*. 2010. N 1. P. 17–23.
- Kutsaeva M.V. *Novye nositeli mariiskogo kak faktor vital'nosti etnicheskogo yazyka v diaspore* [New Speakers of Mari as a Factor in the Vitality of the Ethnic Language in the Diaspora] // *Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal*. 2021. N 2. P. 5–34.
- Kutsaeva M.V. *Yazykovye biografii predstavitelei mariiskoi diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev raionov rasprostraneniya lugovogo mariiskogo yazyka v Respublike Marii El)* [Linguistic Biographies of Representatives of the Mari Diaspora in the Moscow Region (Natives of the Areas Where the Meadow Mari Language is Spoken in the Republic of Mari El)] // *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2022. N 1 (44). P. 116–153.
- Martynova M.Yu. *Vvedenie. Yazykovo mnogoobrazie Rossii v aspekte federal'noi politiki i regional'nykh initsiativ* [Introduction. Linguistic Diversity of Russia in the Context of Federal Policy and Regional Initiatives] // *Yazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia] / Ed. by M.Yu. Martynova. Moscow: IEA RAN, 2021. P. 8–16.
- Orlova O.V. *Yazykovaya situatsiya i etnokul'turnye zaprosy v Respublike Marii El* [The Language Situation and Ethnocultural Demands in the Republic of Mari El] // *Yazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia] / Ed. by M.Yu. Martynova. Moscow: IEA RAN, 2021. P. 124–152.
- Popov N.S. *Etnograficheskie gruppy i diaspory* [Ethnographic Groups and Diasporas] // *Mariitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Mari People. Historical and Ethnographic Essays]. 2nd ed., revised and expanded / Ed. by A.S. Kazimov. Yoshkar-Ola: MarNIYaLI, 2013. P. 131–145.
- Sanukov K. *Finno-ugorskie narody Rossii: problemy natsional'nogo identiteta* [Finno-Ugric Peoples of Russia: Issues of National Identity] // *Finno-ugrovedenie*. 2001. N 1. P. 128–141.
- Shabykov V.I., Kudryavtseva R.A. *Yazykovaya situatsiya v Respublike Mariy El v nachale 2010-kh godov: sotsiolingvisticheskii analiz* [The Language Situation in the

Republic of Mari El in the Early 2010s: A Sociolinguistic Analysis] // *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2017. N 3. P. 208–229.

Skutnabb-Kangas T. *The Education of Minorities // Handbook of Language and Ethnic Identity* / Ed. by J. Fishman. New York: Oxford University Press, 1999. P. 42–59.

Sokolovskii S.V. *Metafizika identichnosti i issledovaniya protsessov identifikatsii v sotsial'nykh naukakh* [Metaphysics of Identity and the Study of Identification Processes in the Social Sciences] // *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2015. N 1. P. 8–22.

Tishkov V.A. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. In 5 vols. Vol. 2. *Rekviev po etnosu. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos. Studies in Social and Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka, 2021. 543 p.

Tishkov V.A. *Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian People: History and Meaning of National Self-Consciousness]. Moscow: Nauka, 2013. 649 p.

Trudgill P. *Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society*. London; New York: Penguin, 2000. 222 p.

Vasikova L.P. *Nauchno-prakticheskaya konferentsiya po problemam izucheniya i prepodavaniya gornomariyskogo yazyka* [Scientific-Practical Conference on the Issues of Studying and Teaching the Hill Mari Language] // *Linguistica Uralica*. 1997. N 3. P. 238–240.

Waskom M.L. *Seaborn: Statistical Data Visualization // Journal of Open Source Software*. 2021. Vol. 6. N 60. P. 3021.

Weinreich U. *Languages in Contact. Findings and Problems*. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. 149 p.

Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya [Language and Society. Encyclopedia] / Ed. by V.Yu. Mikhal'chenko. Moscow: Azbukovnik, 2016. 872 p.

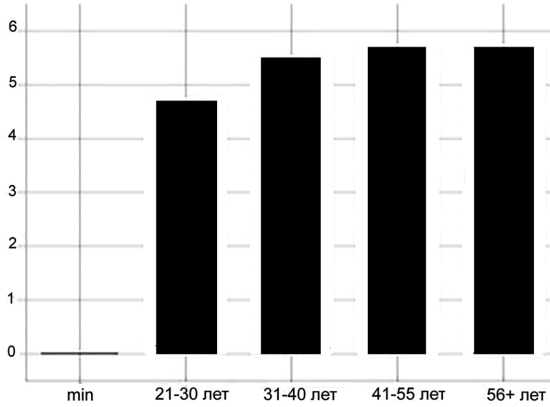
Yazyki mira. Uralskie yazyki [Languages of the World. Uralic Languages] / Ed. by Yu.S. Eliseev, K.E. Maitinskaya, O.I. Romanova. Moscow: Nauka, 1993. 398 p.

Yazyki narodov SSSR [Languages of the Peoples of the USSR]. Vol. 3. *Finno-ugorskie i samodiiskie yazyki* [Finno-Ugric and Samoyedic Languages] / Ed. by V.I. Lytkin, K.E. Maitinskaya. Moscow: Nauka, 1966. 465 p.

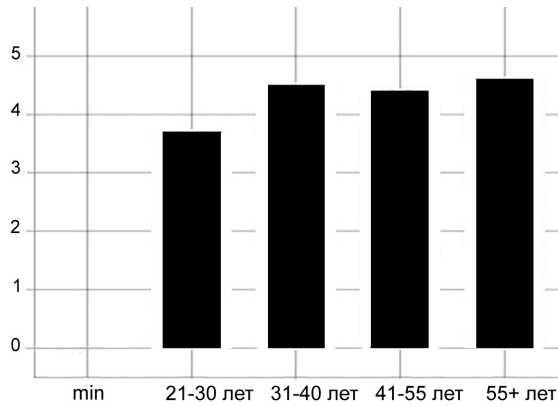
Zeleneeva G.S., Orlova O.V., Shabykov V.I. *Mezhkonnessional'nye i mezhnatsional'nye otnosheniya v Respublike Mariy El (materialy sotsiologicheskogo issledovaniya 2021 goda): nauchno-statisticheskii byulleten'* [Interconfessional and Interethnic Relations in the Republic of Mari El (Materials of the 2021 Sociological Study): Scientific and Statistical Bulletin]. Yoshkar-Ola: MarNIYaLI, 2022. 208 p.

Поступила в редакцию
2 октября 2023 г.

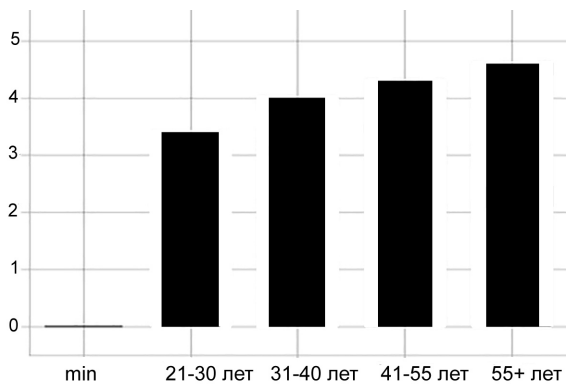
Приложение 1. Уровень интереса к марийской культуре и истории

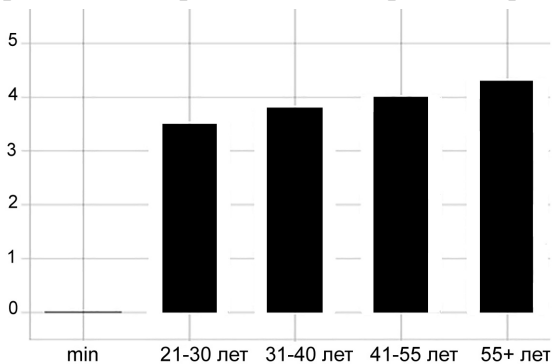
Приложение 2. Уровень знаний в области марийской культуры и истории

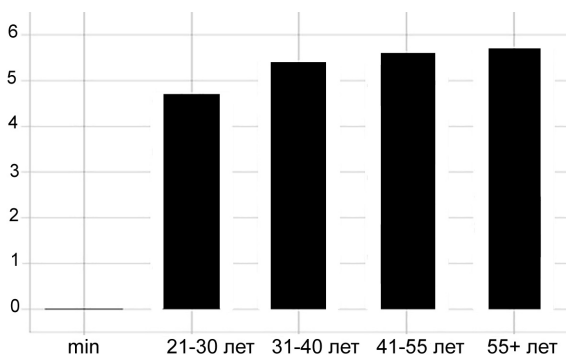
Приложение 3. Уровень вовлеченности в традиционную праздничную культуру

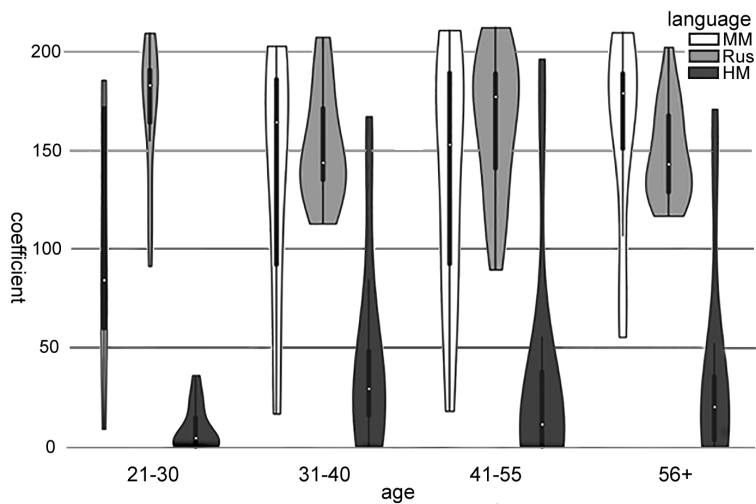
Приложение 4. Уровень знания марийского фольклора

Приложение 5. Оценка важности сохранения марийской идентичности, языка и культуры детьми

Приложение 6. Уровень владения луговым мари́йским (ММ), горномари́йским (НМ) и русским (Rus) языками

Приложение 7. Оценка степени билингвизма между луговым мари́йским и русским языками

